

УДК 801. 313. 1.

ББК 81

Л – 432

Лекова Патимат Абдулаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Дагестанского университета, e-mail: lekova65@mail.ru.

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

(рецензирована)

В статье обосновывается необходимость применения лингвокогнитивного подхода к изучению онимов, что позволяет глубже постичь проблемы языкового сознания в процессе переработки языкового знания. Исследование иллюстрируется примерами анализа прецедентных имен в дискурсе. Они способны организовывать семантическое пространство контекста, дискурса, объединяя собой перекрещивающиеся конфигурации нескольких нижестоящих семантических узлов.

Ключевые слова: ономастика, когнитивная лингвистика, фоновые знания.

Lekova Patimat Abdulaevna, Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Modern Russian Language, Dagestan University, e-mail: lekova65@mail.ru.

LINGUISTIC AND COGNITIVE APPROACH TO THE ONIMS ANALYSIS IN THE MODERN SCIENTIFIC PARADGM

The article explains the need for a cognitive linguistic approach to the study of onims that allows a deeper grasp of the problems of linguistic consciousness in the processing of linguistic knowledge. The study is illustrated by examples of analysis of precedent names in the discourse. They are able to organize the semantic space of context, discourse, combining an intersecting configuration of several lower-level semantic nodes.

Keywords: onomastics, cognitive linguistics, background knowledge.

Современное состояние науки, современная научная парадигма неизбежно требуют комплексного, интеграционного подхода к изучению феноменов различной природы. Начало XXI в. ознаменовалось в науке становлением новой парадигмы научных исследований, ставшей закономерным результатом развития научной и художественной мысли века XX. В рамках этой парадигмы оформился лингво-когнитивный подход к анализу дискурса (как вербализуемой речемыслительной деятельности, которая предстает как совокупность процесса и результата и обладает двумя планами: собственно лингвистическим и экстралингвистическим) и коммуникации. Еще в 1995 г. З.Г. Бурдина справедливо указывала на то, что «современный этап развития лингвистической мысли требует от исследователя учета не только смены научной парадигмы, ориентированной на переход от изучения языковой системы к анализу живых процессов речи в духе идей когнитивной лингвистики, но и непосредственного изучения языковой системы в ее связях с когнитивной системой и речемыслительными процессами» [1, с.84].

В.В. Красных отмечает, что данный подход опирается на результаты собственно лингвистических исследований, исследований в области психологии, этнопсихологии, психолингвистики и этнопсихолингвистики, когнитивных наук (когнитивной психологии и когнитивной лингвистики), коммуникативистики, этнолингвистики, лингвокультурологии и проч., и в силу этого может использоваться и в сфере лингвистических исследований, и в области этнопсихолингвистики и лингвокультурологии. Лингво-когнитивный подход к анализу коммуникации позволяет выделять, анализировать и структурировать: 1) общелингвистический компонент; 2) национально-детерминированный компонент дискурса и коммуникации. Кроме того, лингво-когнитивный подход позволяет рассматривать в одном ряду феномены языковые и дискурсивные. Этот подход позволяет на конкретном материале анализировать и демонстрировать многослойность языкового сознания [2, с.120-121].

В лингвистической литературе имена собственные рассматриваются в двух аспектах – ономазиологическом и семасиологическом [3, с.35]. «Проблемы ономазиологии волнуют умы с

древнейших времен. Фактически интерес к их изучению не прекращался никогда, однако при смене научных парадигм он всякий раз разгорается с новой силой. Подобное явление наблюдается и сейчас: развитие когнитивной лингвистики потребовало переосмысления и уточнения многих устоявшихся положений, связанных с процессом номинации...» [4, с.77].

Ученые уже давно отмечают, что прецедентные феномены, куда входят и прецедентные имена, являются основными (ядерными) элементами *когнитивной базы*, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке [5, с.82]. Прецедентное высказывание имеет свою особую структуру (поверхностное значение, глубинное значение и системный смысл), при его функционировании важным оказывается не только понимание его значения, но и знание экстралингвистических, когнитивных факторов, стоящих за данной единицей. «Говоря о наличии в когнитивной базе инварианта восприятия того или иного "культурного предмета", мы рассматриваем когнитивный аспект прецедентных феноменов. Однако при этом следует иметь в виду, что прецедентное имя и прецедентное высказывание являются лингво-когнитивными, вербальными феноменами, имеющими четко фиксированную форму...» [5, с. 85]. Ученые подчеркивают, что, говоря о прецедентных высказываниях, мы должны рассматривать не только системный и функциональный аспекты данного феномена, но и когнитивный аспект; при функционировании прецедентных высказываний в речи актуальными могут оказаться как лингвистические, так и феноменологические когнитивные структуры, либо активизируются только лингвистические когнитивные структуры [5, с. 99-100].

Когнитивный подход предполагает изучение не только тех ментальных репрезентаций, которые возникают по ходу обработки и/или извлекаются из долговременной памяти, но и тех процедур или операций, которые при этом используются. Необходимо учитывать, что «при извлечении когнитивной информации из текста должно активизироваться не только знание, но и мнения, ценностные ориентации и эмоции, необходимые для определения интенции текста. Сложность может заключаться в том, что один и тот же интенциональный аспект текста может вызывать у коммуникантов в зависимости от их ценностной ориентации различные эмоции» [1, с.88].

Однако в ряде случаев для правильного понимания лингвистических явлений и процессов одной когнитивистики бывает недостаточно. «Определяя лингвистику как когнитивную науку, указывают на то, что язык рассматривается при этом как определённый когнитивный процесс, заключающийся именно в переработке информации, заключенной в любом речевом произведении» [6, с.65]. Однако, в отличие от деятельности компьютера, в аналогичной деятельности человека, в процессах обработки данных происходит не только когниция, но и коммуникация, что, собственно, и делает эти процессы ситуативно зависимыми и ситуативно обусловленными, интенциональными и т.п.; интерпретация воспринимаемой информации должна интерпретироваться, что зависит от личности говорящего и слушающего, т.е. от прагмалингвистических показателей [6, с.65]. Таким образом, когнитивно-коммуникативный подход представляется наиболее значимым для большого круга явлений языка и речи, в частности, для современного изучения имен собственных.

При системном лингво-когнитивном подходе в *структуру значения имен собственных* в широком смысле входят следующие компоненты: 1) категориальная семантика, выражаемая грамматическим значением предметности, падежа, рода, частично – числа и одушевленности (применительно к антропонимам, зоонимам, мифонимам); 2) собственно лексическая семантика – номинативное и прагматическое значение онима; 3) разного рода языковые коннотации (стилистическая, эмоциональная, экспрессивная, социальная окраска имени); 4) "психическая" семантика – представление о денотате в сознании говорящего; 5) культурно-историческая семантика онима – так называемые "фоновые знания". Все эти проблемы, термины и понятия составляют предмет ономастической семасиологии как особой части ономастики, лексической семантики и семиотики, предметом которой служит теория, типология и структура ономастических значений всех разрядов ИС в их отличии от ИН [7, с.28-29].

Когнитивный подход позволяет утверждать, что слово выступает в качестве базовой единицы мира. За словом стоит совокупность знаний о называемом им объекте, а значение слова позволяет перекинуть своего рода «мостик» от уровня языка на уровень сознания. «Сущность номинации заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека» [8].

Входя в корпус имен собственных, антропонимы тесно переплетены с национальной культурой, взглядами, традициями и обычаями народа, этническим составом. Это живая, активная и устойчивая часть языка, связанная с жизнью его носителей: «У большинства народов в разные эпохи наречение (или смена имени) связано с различными обрядами, которые подчас таят черты, раскрывающие много ранее неведомого о былом быте, строе и верованиях народа» [9, с.6]. В именах «отразились настроения и верования, надежды и чаяния, образ мысли и философские взгляды многих народов. Исторические события, культурные контакты – все это зафиксировано в именах личных в опосредованном виде, через языковые формы и отношения» [10, с.127]. Ученые справедливо утверждают: первый закон антропонимики, как и всей ономастики – историзм. Исторически обусловлены сами виды антропонимов. В антропонимии нет ничего внеисторического [9, с.7].

Именно потому имена собственные отнюдь не являются простыми знаками (этикетками), неинтересными для лингвистического исследования; напротив, они требуют применения разнообразных комплексных филологических методик и приемов со множеством лингвостилистических, лингвокультурологических и литературоведческих составляющих. В когнитивно-коммуникативном и функционально-стилистическом аспектах это могут быть, например, «функции собственных имен в художественном произведении (номинативная, идеологическая, характеризующая, эстетическая, символическая), специфика литературной ономастики, зависимость состава имен и их функций от литературного направления,.. особенности отбора и употребления имен в прозе, поэзии, драматургии,.. виды литературных антропонимов, топонимов и т.п. (условные поэтические имена, имена-маски, имена-символы, "говорящность" нейтральных имен, имена-намёки на антропонимы прототипов), их роль в построении художественного образа, способы и приемы для видоизменения реальных собственных имен для достижения экспрессивно-стилистической и художественной выразительности, роль собственного имени в типизированном отражении действительности, собственное имя как средство создания сатиры и юмора, а также множество других видов мотивированного употребления всех без исключения разрядов собственных имен» [11, с.63]. Форма онима, в частности, как указывает С.А. Реммер, хрононима, в речи персонажей литературного произведения может быть иносказательной, образной: "*До французского года* ни одного ткача в той стране не бывало, а теперь по трем уздам у мужиков только и дела, что скатерти да салфетки ткать" (Мельников П.И. В лесах) (*Французский год* – год французского нашествия на Россию, 1812 г.)» [12, с.192].

Имена способны отражать национально-специфичные образы сознания. Так, например, Э.Е.Каминской было проведено исследование антропонимов как образов сознания русских и американцев с целью картирования отдельных культурологических стереотипов и прогнозирования наиболее вероятных критических моментов в межкультурном общении, поскольку «антропонимы создают уникальный экстралингвистический фон, являющийся неотъемлемой частью информационного тезауруса члена данной языковой общности, но часто представляющий непреодолимое препятствие для иностранца» [13, с.103]. На вопрос о том, что имеется в виду, когда человека сравнивают с одним из культурно-значимых персонажей, имена которых представлены в Русском ассоциативном словаре в качестве стимулов и/или реакций (*Колумб, Моцарт, Нефертити, Гамлет, Золушка*). Результаты исследования подтвердили тезис о квази-идентичности образов сознания своей и чужой культур. «Наряду с базовыми признаками, характеризующими, например, стереотип Золушки и в русском, и в американском культурном пространстве (доброта, привлекательная внешность), в фокусе внимания испытуемых находится целый ряд культурно-специфичных опор, соотносящих данный стереотип с различными схемами знаний и иным множеством сценариев» [13]. Так, в ответах реципиентов одна Золушка выходит замуж за нового русского, а другая – ждет воплощения голливудской мечты.

В акте номинации зарождаются сочетаемостные свойства слова, отражая логико-предметные связи и отношения обозначаемых реалий, что позволяет говорить о средствах лексической когезии в аспекте референциальной соотнесенности языковых знаков [14, с.127].

В этом плане относительно имен собственных можно сказать, что они способны организовывать семантическое пространство контекста, дискурса, объединяя собой перекрещивающиеся конфигурации нескольких нижестоящих семантических узлов. «Количество предикаций при этом может быть неопределенно большим, в отличие от количества микротем такого

фрагмента дискурса: последовательное перемещение фокуса и ступенчатая смена тем ограничены объемом информации, релевантой для продуцента в данной коммуникативной ситуации» [14, с.127]. Отметим, что имя собственное может быть в таком контексте узловым не только для собственных, но также и для нарицательных имен. Пример:

«После университета Марину распределили в Институт языкознания. Натертый паркет в коридоре, шкафы, набитые «Филологическими науками», и гробовая тишина. Научные сотрудники сидели по комнатам и писали, писали... или выписывали из книг на карточки. Здесь была не библиотечная тишина, а другое – тишина для старения и выхода через академический двор – на пенсию. Здесь работали те, кто любил каузативные конструкции и нулевой артикль, дуративные глаголы и пучки фонем. Говорили здесь особым научным языком, который Марине никак не давался» (Н.Толстая. Хочу за границу...).

«Институт языкознания» – расчлененное наименование сложного объекта действительности – является в равной степени полноправным репрезентантом двух семантических полей – «Научное учреждение» и «Языкознание». Первое поле представлено здесь номинациями *научные сотрудники, академический, научный язык*; второе – *Филологические вестники, каузативные конструкции, нулевой артикль, дуративные глаголы, пучки фонем*. Перекрестное перемещение фокуса при тематическом тождестве в этом случае обусловлено не только равноправием обеих сем в обобщенном наименовании, но и теми отношениями инклюзивности, в которых находятся и само понятие *Институт языкознания*, и микрополя «Научные учреждения» и «Языкознание», возглавляемые соответствующими лексемами это расчлененного наименования, по отношению к микрополю «Наука» [14, с.127].

Как известно, имена собственные и нарицательные выполняют в языке общие функции: коммуникативную и гносеологическую. Эти функции ИС как индивидуализирующих знаков наиболее оперативно, ярко и продуктивно реализуются в языке СМИ. «Ономастическое пространство» современного газетно-журнального дискурса включает онимы разных групп: антропонимы, топонимы, фирмонимы, фильмонимы, библионимы, урбанонимы, креатонимы, этнонимы и др. Журналисты активно вовлекают их в процесс языковой игры, так как эти единицы хорошо приспособлены для выражения позиции автора, издания, а также для создания оригинальных форм подачи материала. Этот процесс включается в интересы современного когнитивно-коммуникативного подхода к исследованию явлений языка и речи. «Создание, или порождение речевого произведения (текста) определённого стиля связано прежде всего с выбором номинаций и объединением их в грамматические комплексы, выражающие нерасчлененные концептуальные сущности – пропозиции. Мотивированность выбора лексемы соответствует замыслам, интенциям автора и речи и согласуется с денотативной речевой ситуацией» [14, с.126-127].

Одним из примеров когнитивно-коммуникативного подхода к исследованию онимов является изучение **реминисценций**, которые можно обнаружить при употреблении ряда онимов в современной речи: восстанавливая смысл первоначального понятия, высказывания, к которому отсылает такой оним, реципиент прикладывает определенные когнитивные усилия.

Рассмотрим языковой материал.

«Я из себя выжал Гайдара, а его корежит» (В.Черномырдин // ЛГ, 1998, № 47). Здесь просматривается фраза «Нужно всю жизнь выдавливать из себя по капле раба» (Чехов).

«Это было при Петре I так, ну и при Борисе I будет» (Борис Ельцин // АиФ, 1997, № 39).

«Меня очень огорчает, что, сказав "Борис, ты не прав!", я оказался прав» (Егор Лигачев, бывший секретарь ЦК КПСС // АиФ, 1997, № 44).

Как мы знаем, выделенные слова были использованы в драме А.С. Пушкина «Борис Годунов». А в следующем примере использована фраза из «Песни о Буревестнике» А.М. Горького:

«Рожденный ползать летать не может. Даже если его фамилия – птица» (Борис Березовский о новом генпрокуроре Юри Чайке // Коммерсант-Daily, 28 июня 2006).

Реминисценция на поговорку «Два медведя в одной берлоге не уживаются»: *«Двое пернатых в одной берлоге не живут и жить не могут» (Генерал лебедь о генерале Куликове на пресс-конференции 16 авг. 1996 [15, с.54].*

О великом русском поэте было сказано: «Пушкин – это наше всё!». В наши дни она прозвучала так:

«Путин – это наше всё! И, кроме него, у нас, наверное, ничего нет» (Владимир Шпак, политический обозреватель // Родная газета, 2005, № 33 (сент.)). Другой пример:

*«Не каждый премьер долетит до середины Атлантики» (Евгений Примаков, премьер-министр, после «разворота над Атлантикой» // НТВ, Итоги, 1 дек. 1999 [15, с.27]. Здесь очевидна реминисценция на фразу из поэмы «Мертвые души» Н.В. Гоголя «Не каждая птица долетит до середины Днепра». В следующем примере – на строчку из басни И.А. Крылова «Волк в овечьей шкуре»: «Теперь вы получаете Слиску в придачу с Жириновским, но это будет **Чубайс в медвежьей шкуре**» (Г.Зюганов об итогах выборов в Госдуму на пресс-конференции 8 дек. 2003 [15, с.66].*

Роман М.А. Булгакова «Собачье сердце» послужил базой для следующего контекста: *«Кто с вами остался? Мы с вами остались, **шарикивы. Преображенские** уехали. Нужно выбирать самых умных из **шарикивых**» (В.Жириновский в Госдуме 29 сент. 2004 [15, с.61]. Еще пример:*

*«Я рад, что снова встречаются две палаты – Общественная и Счетная. Но главное, чтобы мы страну не довели до "**палаты номер шесть**"» (Сергей Степашин на заседании Общественной палаты // МК, 2 окт. 2006).*

Палата номер шесть из одноименного рассказа А.П. Чехова – помещение для душевнобольных.

Следующий пример вообще очень интересен, так как, во-первых, образован от лозунга, выдвинутого политиками постсоветской России «Построим капитализм с человеческим лицом». Во-вторых, знаменательно то, что фраза сказана автором о самом себе, что может быть понято как самокритика:

*«Мы переходим к новому этапу реформирования РАО "ЕЭС" под кодовым названием "**Чубайс с человеческим лицом**"» (Анатолий Чубайс // Новое время. 2001. № 48).*

Правда, реминисценции употребляются не всегда удачно. Так, не вполне этично сравнивать Страшный суд с инстанцией, говорить о том, что реку Рубикон можно перейти «до предела», а военное обмундирование революционера Че Гевары оценивать словами А.П. Чехова, как это сделано в следующих примерах:

*«От Мещанского суда и до **Страшного суда** есть довольно много инстанций» (Владимир Лукин, уполномоченный по правам человека при президенте РФ // Российская газета, 6 июля 2004).*

*«Нет, он прекрасно знал, что **Рубикон перейден до предела**» (Генерал-депутат Лев Рохлин о Черномырдине // Итоги, 1997, № 37).*

*«У Че Гевары все прекрасно, как говорил **Чехов**: и душа, и одежда, и мысли. Он всегда был скромно одет: форма, ботинки высокие, всегда пистолет при нем» (Виктор Анпилов // АиФ, 18 июня 2003).*

А в следующем примере ошибка происходит из-за неудачного применения единственного и множественного числа:

*«**Казаки** (...) видят в нем **Минина и Пожарского**, спасителя государства Российского» (Виктор Ратиев, верховный атаман Союза казачьих войск России и казаков зарубежья, о В.В. Путине // РТР, «Вести, 18 марта 2000 [15, с.4213].*

Итак, когнитивный подход к анализу онимов является приметой современного научного знания; он нуждается в дальнейшем расширении и всестороннем исследовании.

Литература:

1. Бурдина З.Г. Грамматика и коммуникативно-когнитивные стратегии интерпретации текста (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. 1995. № 4. С.84-91.
2. Красных В.В. Современная научная парадигма: лингво-когнитивный подход // Русский язык: исторические судьбы и современность : II Междунар. конгресс исследователей русского языка. М., 2004. С.120-121.
3. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
4. Корнева В.В. Номинативные стратегии как отражение особенностей пространственного мышления этноса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 77-81.
5. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Захаренко И.В. [и др.] // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1. С. 82-103.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. М., 1996.
7. Захарова М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имен собственных (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.
8. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
9. Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.
10. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
11. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.
12. Реммер С.А. Употребление хрононимов в тексте литературного произведения // Восточнoукраинский лингвистический сборник. Донецк, 2000. Вып. 6. С. 188-194.
13. Каминская Э.Е. Имена в зеркале культуры: сравнительный анализ образов сознания русских и американцев // Языковое сознание. Содержание и функционирование : XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000. С.103.
14. Милевская Т.В. Когнитивная семантика с точки зрения теории связности // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка. М., 2004. ; Красных В.В. Современная научная парадигма: лингво-когнитивный подход // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка. М., 2004. С.126-127.
15. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. М., 2001.